

«Слово святителя Иоасафа Белгородского о любви к Богу»

Как недалеко от нас Вечная жизнь, христоносный слушатель? Только с двумя ступенями лестница стоит перед старающимися дойти до нее, как слышали ныне из Евангелия от Луки, которое читалось. Эти ступени, я разумею, – любовь к Богу и сродная ей любовь к ближнему. Сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоя, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближнего твоего, яко сам себе* (Лк. 10, 27). Заповедь эта не нового составления. Она древняя, была дана ещё давно через Моисея по случаю спасительного вопроса о том, что писано в законе. Если она была нужна для хранения ветхозаветными законниками, то новоблагодатным людям есть большая потребность её исполнять, потому что они получили от Бога большую любовь к себе. Заповедь эта – любить Бога и любить ближнего – кажется малою и лёгкою. Но если бы её исполнять, то желающим спастись не было бы более любезного, чем заниматься ею. В этих двух заповедях вся сила закона и пророков.

Как же это может быть? Так, когда кто первые четыре из десяти данных чрез Моисея заповеди принимает и исполняет, как-то: *Аз есмь Господь Бог твой; не сотвори себе кумира; не приемлиши имени Господа Бога твоего всуе; помни день субботний, еже святити его,* – то какую добродетель исполняет, как не любовь к Богу? О Боге и речь идёт. Последние же шесть, как-то: *не убиеши, не прелюбы сотвориши, не украдеш и другие,* – эти же касаются любви ближнего. Таким образом, исполняющий эти две заповеди исполняет весь закон. Другого пути, который бы вёл более последовательно к наследованию Вечного Жития, кроме того, чтобы любить Бога и любить ближнего, мы не находим. Любить Бога закон велит в четыре раза более, чем любить ближнего: и от всего сердца, и от всей души, и всею

крепостию, и всем помышлением, а ближнего – однажды и так, как самого себя. О любви к ближнему мы скажем после. Указанные свойства любви к Богу: сердце и душа, крепость и помышление – находятся между собой в близком родстве. Ведь сердечное действие – что, как не душевное, и что душевное, как не мысль, и от них рождающаяся крепость? Но мне представляется, что четверица слов этих может основательнее показать, в частности с четырёх сторон, как любить Бога, достойного любви сверх меры. Что значит любить Бога от всего сердца, как не то, чтобы любить Его как своего Бога Создателя? От всей души любить как Царя, а всю крепостию – как Отца, всем помышлением – как Судию. Полагаю, что это рассуждение не будет противным писанному древле в законе и что, справедливо требует от нас в новой благодати закон, исполнить свою любовь к Богу в четыре раза более. Никто не восстанет против этого, когда прежде всего вспомним про любовь Божию как нам, как сам Он такую мерою возлюбил нас. *Мы, – говорит апостол, – любим Его, яко Той первее возлюбил есть нас* (1 Ин. 4, 19). Отсюда научаемся усерднее любить Бога и ради Бога – своего ближнего. Итак, последуем этому порядку!

Бог нас возлюбил как Бог. Спрашиваю вас, мудрые слушатели, кто вначале понудил Его создать столь прекрасный свет? Кто сотворил солнце и луну? Кто украсил небо звёздами и рассыпал цветы по земле? Кто пустил по воздуху птиц и по пустыням разогнал зверей? Кто излил воду и наполнил рыбами? Кто же насадил и рай и для кого всё это, как не для нас одних? Наконец, сверх всего этого персть взял от земли и от брения, из смрадного болота, создал столь дивное творение – человека, вдохнул в него дух жизни, почтил его свободною волею, дал естественный закон для его хранения, и сделал господином над тварию, всё покори́л ему под ноги. Никакой Ему нужды в этом не было, то действовала одна только милосердная любовь Божия к человеку ещё прежде его создания. И когда так возлюбил и возвысил его, когда только что чуть не сравнял с Ангелами, *ибо умалил еси его малым чим от Ангел* (Пс. 8, 6), то какая была за это от человека

благодарность? Ничем не был благодарен человек; он пошел против Бога, задумал быть равен Ему, как и сатана изначально. Но тотчас ту же и потерял к себе любовь Божию. По праведному суду Божию ненавидящий Бога бывает ненавидим. Господин твари переменяется в её раба. Хотевший сравняться с Богом осуждается с диаволом.

Но навеки ли так погибает? Нет, не забыл Милосердный Бог дело Своих рук, которое создал по любви, чтобы оно до конца было возненавидено. Опять явил Свою любовь к человеку и уже как Царь дал в помощь закон. Перстом своим начертал: *Аз есмь Господь Бог твой...да не будут тебе бози инии разве Мене* (Исх. 20, 2-3), объявляет торжественно, с трубами, в огне, среди великого трепета, в общее сведение народа, чрез избранника Своего Моисея, как бы говоря: забылся человек, не помнит, чьё он создание, и перестал любить Меня; итак, дай ему для напоминания на письме эту заповедь: *Аз есмь Господь Бог твой – с прибавлением: возлюбиши Господа Бога Твоего*, с таким под угрозой смертной казни предупреждением: *иже пожрет Богом убиен будет*. Этим привёл Израиль в трепет. Одержимые страхом, люди обращаются к нему и проявляют свою готовность послушания заповеди, только бы Сам Бог по нетерпимому для них ужасу не говорил, и сказали Моисею: *Глаголи ты с нами, да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем* (Исх. 20, 19). Поэтому Моисей, ободряя не бояться, указывает причину страха, проявленного при вручении закона. Уповайте, сказал, - *дерзайте: искушения бо ради приде Бог к вам, яко да будет страх Его в вас, да не согрешайте* (Исх. 20, 20). То есь да не отступите от Него и не отпадете снова от Его любви. Так Бог как Царь вторично человека, заслужившего Его неблаговоление, суровым законом заставил возвратиться к Его любви. Но страх этот в отцах наших долго ли продержался, ужели они это царское повеление сохранили неповреждённым, ужели вошли в любовь Божию, ужели примирили? О какое бедствие! О жестокосердый народ! Дотолле была любовь, доколе страх был видим перед очами. Потом – горькое раздражение; пошли по страстям,

оставили Бога, создавшего их, и обратили любовь свою к твари, стали поклоняться изваяниям. Снова стали мерзкими пред Богом, спали в лютейшую беду. Совершенно прогневался Бог, и чрез пророка Осию под образом сына отринул прочь от своей любви. *Прозови, – изрек, – имя ему, не людие Мои: зане вы не людие Мои, и Аз несмь Бог ваш* (Ос. 1, 9). О сколь лютое сиротство! Создание было уже отринуту своим Создателем!

Посмотрим же, что далее делает Бог. Когда уже по всем правилам справедливости нельзя было человеку быть помилованным, там Бог, вспомняв о нём, ещё большую являет милость. Как Отец, Он положил твёрдую любовь, Благий, Он послал в мир Единородного Своего Сына в очищение, да будет Он Примирителем и Ходатаем пред Ним за нас. Он, придя, закон Моисеев, начертанный перстом Отчим, подписал кровию Своею, нещадно за нас излиянною; запечатлев Своею смертью, преподал нам новый милосерднейший закон, без громов, без страха и в меньшем числе – только в семи Таинствах, и тем воссоединил нас в такую любовь, что не только примирил нас с Богом, Отцом Своим, но исходатайствовал нам ещё и сыновство. *Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12).

Еяже ради вины не стыдится братию нарицати их (Евр. 2, 11). Отсюда-то мы и в нуждах наших прибегаем дерзновенно к Небесному Отцу и, как плачущие дети, просим у Отца на каждый день хлеба. *Отче наш...хлеб наш насущный даждь нам днесь*. И бывает слышимы в молитвах. *Иже убо Сына Своего не пощаде, но за нас всех предал есть Его, како убо не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. 8, 32).

Итак, христороубцы, вникнем, сколь великую любовь явил нам Небесный Отец, когда не пощадил отдать за нас Своего Единородного Сына, чтобы сделать нас сынами. Каждый, размышляя об этом, внесет в отношении себя справедливое решение. Следовало бы нам, презирающим эту любовь, вовеки не являть милости, но, не терпя более, воздать каждому по делам без

пощады. Павел взывает: *Отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или троих свидетелех умирает. Колико, мните, горших сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь завета за скверну возмнив, ею же освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 28-29). Не мы ли, освящённые Его кровию и пребывающие в нерадении, этой муки бываем ежечасно заслуживающими? Но и здесь Бог вконец всегда, как Судия на осуждённом, проявляет на нас любовь. Не взыскивает за грехи, избавляет от мучения, день за днем ожидая покаяния, как вертоград, плода на бесплодной смоковнице.

Таким порядком Бог, возлюбив нас и видя столько потерянную и теряемую нами Его любовь, опять её восстанавливает и по написанному древле в законе: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоя, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим*, чрез исповедание нынешним евангельским законником ищет взаимно любви от нас. Ибо ему Иисус сказал: *Сие сотвори и жив будеши*. А в залог той любви от нас к Себе, чтобы, не видя Его пред глазами, не отпадали от неё, как бы некоего надзирателя, учреждает вторую любовь к ближнему, которого вы видим пред собою и подобострастного, как себя, любить. Именно себя любить и ближнего, сказал, яко сам себя. Думаю, что ни для кого не надо толковать, что значит любить Бога. Знаем апостола, говорящего: *Сия бо есть любви Божия, да заповеди Его соблюдаем* (1 Ин. 5, 3). Но время уже сказать, как Его любить: от сердца, всей души, и крепостию, и помышлением.

Тот каждый любит Бога от всего сердца, кто сердцем чистым нелицемерно исполняет Его заповеди, отсекая прочь исходящие из него, по слову Христову: *помышления злая, убийства, прелюбодеяния... татьбы, лжесвидетельства, хулы* (Мф. 15, 19) и другое сему подобное. Этот вид любви к Богу проистекает из самого естества. Возьмём подобие от четырёх стихий: как они стремятся к своему основанию, когда земля падает на землю, воздух растворяется с воздухом, когда огонь рвётся вверх к огню. Бог – средоточие сердца нашего. Как Сам Он чист, так по образу Своему и

подобию соделал в нас сердце чистое и смыслящее разуметь доброе и злое. Когда по сердечному влечению без всякой угрозы и принуждения убегаем от зла и творим благое, от сердца тогда исполняем божественные заповеди, а исполняя их, проявляем любовь к Богу, любя от всего сердца как Бога своего Создателя. Какое Он сердце создал чистым, такое к Нему и обратим.

Всякий тот любит Бога от всей души, кто ради великой любви к Нему своей души, то есть живота своего, не щадит, по совету евангельскому: *иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16, 25.) Этот вид любви к Богу воспримем от мучеников. Они так возлюбили Его, что и души за Него положили. Что же? Есть ли нужда воскрешать Нерона или Диоклетиана или предаваться Максимилиану, чтобы для любви Божией отрешили нас от живота? Нет! Не о таком мученичестве говорю, но о подобном ему; речь не о лишении живота, но о добровольном страдальчестве, о самоотвержении и умерщвлении живущих в нас страстей, которые, как душа в теле, живут и движутся в наших чувствах. Если их оставим живыми – погубим душу; если же предадим их погибели ради любви Божией – обретём свою душу в Вечной Жизни. Но нам не будет нужды искать мучителей, когда начнем худшее покорять лучшему. Например, если любезна нам слава человеческая – побежим от неё прочь. Вот нам будет и Нерон, отсекающий ноги. Если богатство любезно – расточим его в раздаянии милостыни. Вот и Диоклетиан, отнимающий руки и всего раздробляющий колёсами на части. Если красота телесная веселит нас – отвратим от неё очи. Вот наш Максимилиан, выкалывающий очи. А сколь мучительно оставить любящим всё это, нельзя выразить. Лучше бы с душою расстаться, чем остаться без них. Я сказал об этом только для примера. Об остальном подумаем про себя, какие живут в нас страсти, и что с ними за борьба, и что это за мучители, когда начнётся попытка отстать от них и оставить. *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит* (Мф. 16, 26). Ни здесь пользы, ни в будущем веке. Здесь, хотя славен будет, да смерть лишит чести,

когда сделает безобразным. Хотя и богат, да ничего с собой не возьмёт, разве три аршина земли. Хотя и прекрасен, да гроб покроет прахом, а бедной душе, когда окажется заключенной в аду, какая польза? Поэтому мы, желающие любить Бога, всегда должны мёртвость Господа Иисуса на теле своём нести и таким образом возлюбить Его от всей души, как Царя, ибо будем как добрые воины, вооружившиеся в броню и за царскую любовь предающие свой живот.

Тот каждый любит Бога всею крепостию, кто не предпочитает Его любви ничего: ни отца, ни мать, ни братию, ни друзей, по завету евангельскому: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). Этот вид любви к Богу позаимствуем от малых детей, питающихся молоком. Они, которым ещё руководительница – беззлобие, когда временно не видит пред глазами родивших и кормящих их, находятся в скуке и старательно ищут их, пока не найдут. Такой крепости любви научимся и мы, желающие любить Бога. Станем всегда помнить, как Он нас согревает, одевает, питает, более же всего – как Он неистощимую пищу предложил нам ежедневно в трапезу хлебом Тело, а вином – Кровь Своего Единородного Сына. Сколь велики приготовил сокровища в будущем нашем Отечестве. Памятуя это, взыщем Его с Павлом, желая более всего разрешиться от тела и к Нему пойти. Потужим с Псалмопевцем, говоря: *возжада душа моя к Богу Крепкому, Живому; когда приду и явлюся лицу Божию.* (Пс. 41, 3). Так, любящий Его, станем любить Его всею крепостию, как Отца.

Тот любит Бога всем помышлением, кто, нося в уме того неключимого евангельского раба, что ввержен был в тьму кромешную, и, сознавая на себе долготерпение Божие, исправляет жизнь покаянием. Этот образ любви к Богу воспримем от осуждённого на смерть злодея. Как он, когда уже нет никакой помощи и за свои дела достойно присуждается к смерти, и стоит уже связанным, и видит мучителей, готовящих орудия: встряски, огонь, рожны, колёса, топоры и прочее, весь трепещет и ужасается часа смертного. И когда к такому осужденному Судия внезапно изменяется и являет милосердие,

освобождает от мук и смерти, то какой любви он исполняется к Судии? Об этом можно уразуметь из евангельского слова: ему же мало оставляется, меньше любит (Лк. 7, 47), а когда больше, то больше и любит Оставляющего грехи. Что же более оставить, как не то, чтобы, простив все злодеяния, даровать жизнь? Это и есть любовь превосходящая. Так и мы, желающие любить Бога, станем помышлять, как долготерпит к нам, достойным вечной муки, праведный Судия, как угрожает скрежетом зубовным, червем неусыпающим, вечным плачем и как прощает невнимающим лютые согрешения, ожидая покаяния. Обратимся же наконец к исправлению и, созерцая как бы сущим пред очами грозного Судию, восплачем, взывая: *Господи, потерпи на мне, и вся Ты воздам* (Мф. 18, 26). Итак, по решимости станем исправлять день за днём развращённую жизнь, всегда держа в душе: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Так, себя исправляя, станем любить Бога как Судию всем помышлением, и эта любовь Бога удовлетворит нас.

Возлюбим же наконец ещё Бога ради ближнего своего. Не надо много речей, как Его любить в этом смысле, чтобы изъяснить. Ясное толкование – в самой Божественной заповеди, когда говорит: яко себе самого. Кто замечал, как мы себя любим, не спрашиваю. Хорошо знаю, что никого нельзя вернее любить, как самого себя. Что делается в человеке, когда он не хочет быть в наготе, не обещает быть нищим и попрошайкою, не желает терпеть никакой нужды? Всякий скажет мне, что благополучие неприятнее злополучия. Откуда же расположение к первому, а не к последнему, как не от природной к себе любви?! Так и своего ближнего мы должны любить: чего не желаем себе, не станем делать ближнему, и не только не делать, но и желать. Какой судия желал бы быть судимым и входить чрез волокиту изо дня в день в убытки и беспокойство? Не думаю, чтобы кто-либо пожелал этого! И ближнему этого не делай. Кому приятно, чтобы с него сняли одежду? Никому. Так ближнему не делай обиды. Кто захотел бы алкать, жаждать и денно и ночью терпеть мороз в наготе? Никто. И ближнему своему не будь

желателем подобного. Тот же будет не желающим этого ближнему, кто, видя слепых, хромых, нагих, бедных на улицах города, скитающихся ради пропитания, и, размышляя в себе, как бедно наше состояние, как все родились не в парче, нагими вышли из чрева, нагими и в гроб пойдём, да кто лучше припомнит, что Христос не за князей только и благородных, но и за нищих равно пролил кровь Свою, а мы не милосерствуем о нашей братии сотворить с ними милость. Словом, всякое дело милосердное, что евангелист Матфей достаточно полно показал, явленное ближнему, есть проявление любви к Нему: голодному дать хлеба, напоить жаждущего, ввести в дом странника, одеть нагого, посетить больного, посострадать сидящему в тюрьме – вот есть любовь к ближнему, от ближнего восходящая к Богу. Поступая так, и мы возлюбим Бога и ближнего своего, как себя самих, и так исполним закон Божественный. И в Боге пребудем, и Бог в нас пребудет. *Бог бо, – сказано, – любви есть, и пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16).

О Боже наш! Возлюбил нас и любишь, пребудь же в нас неотлучно. Когда любовь Твоя в нас пребывает, и Ты пребудешь, из того всё познаем, когда Тобою возлюбленную, по Тебе, Отце Небесном, нами обладающую, всем любезную и всех любящую мать нашу венценосную Елисавету даруешь нам в долготу дней, скипетр царства своего держащую. Уповающие на Тебя к Тебе взываем: Господи, спаси Царя и услыши нас, в оньже аще день призовем Тя. Аминь.